

Лермонтов М.Ю.

6/ VII - 86

В Тарханах праздник лермонтовской поэзии

Каждый год в первое июльское воскресенье у нас в Тарханах праздник — Всесоюзный лермонтовский день поэзии. На небольшой усадьбе, где прошла первая половина жизни М. Ю. Лермонтова, в маленьких комнатах родного дома поэта сегодня многолюдно с утра.

Едут люди в Тарханы, чтобы увидеть уголок России, возрастивший Лермонтова, пройтись по аллеям парка, посидеть у тихих прудов, послушать говор старых деревьев, постоять у могилы поэта, чтобы прикоснуться к тому чуду, которое мы называем лермонтовской поэзией.

«Только здесь поймешь душу поэта, человека Лермонтова, поймешь художника, ибо Тарханы — духовная родина Михаила Юрьевича. Здесь все проникнуто духом Лермонтова, его грустью, но все же и оптимистичной верой в светлое будущее. Ю. Агапкин, Вильнюс» — таких записей полна наша книга отзывов. Все пишут по-разному, но от души, выражая в сущности одну мысль: «Какое

счастье, что такой музей существует, и какое счастье, что мы здесь побывали. Лермонтов стал нам еще ближе, еще нужнее и еще дороже».

С 1938 года существует наш музей-заповедник «Тарханы». Сколько людей побывало здесь за это время, трудно даже сказать, всех посетителей не учесть. Со всей страны приезжают к нам люди поклониться памяти великого русского поэта. Для нас, работников заповедника, да и для многих жителей села давно привычны неожиданные поздние или ранние, или ночные визиты незнакомых людей, которые не могли проехать мимо святого лермонтовского места, не могли не остановиться, не побывать здесь. Мы заботимся о них, устраиваем вечера... Многие приезжают к нам с предложениями добровольной помощи. Они работают рядом — пенсионер, новосибирская учительница, школьница из Тулы... Работают с душой, от души, безвозмездно.

Лермонтов погиб в двадцать семь неполных лет. Но он остался жить в памяти людей, в

своих творениях. Проходят годы, десятилетия, но память эта не гаснет, становится ярче. Все чаще обращаются люди к поэзии Лермонтова, огромными тиражами издаются его произведения как на русском языке, так и на языках народов Советского Союза, на языках народов мира, все больше людей приезжает к нам.

И на этот, шестнадцатый, праздник мы ждем и новых, и старых друзей, поклонников лермонтовской поэзии. Как всегда, сегодня будут звучать лермонтовские строки, музыка, романсы, будут беседы о новых открытиях и находках. Но этот праздник особенный. К существующим в Лермонтовском музее-заповеднике экспозициям прибавилась еще одна — «Лермонтов в памяти поколений». Мы гордятся ее почти пять лет. Это огромная научная работа, вести которую нам помогали сотни людей.

Экспозиция разместились в здании церкви Михаила Архангела, в которой отпевали М. Ю. Лермонтова перед по-

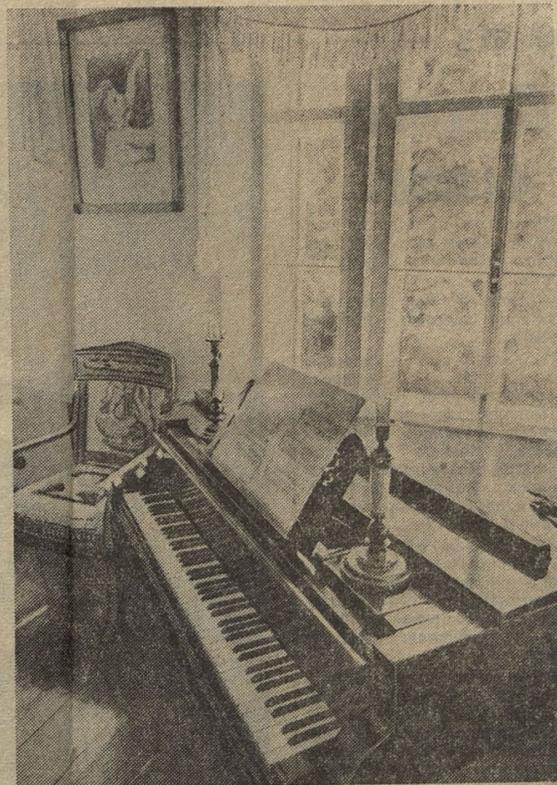
гребением в Тарханах. Она в нескольких шагах от могилы поэта.

О многом рассказывают материалы новой экспозиции: это первые публикации произведений Лермонтова, воспоминаний о нем, оригинальные работы Врубеля, Репина, Коровина, редчайшие издания произведений Лермонтова. Почерк поэта, его рисунки постоянно сопровождают посетителя и создают особое ощущение постоянного живого общения с ним.

И главное, что хотим мы показать: не случайно именно эта земля стала родиной поэта, вскормила, воспитала его талант, не случайно здесь его могила, его последний и вечный приют, ибо сказано: «и не в Тарханах он положен, а у России на груди». И это мы, его далекие потомки, всегда помнили, помним и будем помнить.

Т. МЕЛЬНИКОВА,
директор лермонтовского музея-заповедника «Тарханы».

Фото А. Земляничко.

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Графине Ростопчиной

бесплодной
Преданья юности моей.
Преидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому
завуку
Мечту напрасную вернуть...

Так две волны несутся
дружно
Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:
Их гонит вместе ветер
южный;
Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грядь...
И, полны холодом
привычным,
Они несут брегам
различным,
Без сожаленья и любви,
Свой ропот сладостный
и томный;
Свой бурный шум, свой
блеск заемный
И ласки вечные свои.
1841.

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорогою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели
благородной
Оторван бурею страстей,
Я забываю борьбу

Умешь ты сердца
тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой
уничтожить,
Улыбкой нежной
оживить;
Умешь ты польстить
случайно
С холодной важностью
лица
И ужника унизить тайно,
Взяв пылко сторону
глупца!

Как в Талисмане стих
небрежный,
Как над пучиною мятежной
Свободный парус челнока,
Ты беззаботна и легка.
Тебя не понял север
хладный;
В наш круг ты брошена
судьбой,
Как божество страны
чуждой,
Как в день печали миг
отрадный!
1831.

Есть талисман священный у меня...

Ее первое стихотворение: «Есть талисман священный у меня. Храню его: в нем сердца все имень, в нем пель надежд, в нем узел бытия, грядущего валог, дней прошлых упоенье...» — появилось на страницах альманаха «Северные цветы» в 1831 году. Его передал издатель альманаха А. А. Дельвигу Вяземский, не испросив у автора разрешения.

сем обычна. Долгие годы Евдокия Петровна Ростопчина состояла в дружеской переписке с Александром Дюма. Приехав в Москву, Дюма побывал в гостях у Ростопчиной. Судьба и творчество Лермонтова очень интересовали французского писателя. И он, зная об их дружеских отношениях, попросил Е. П. Ростопчину написать о нем.

Из письма Евдокии Ростопчиной Александру Дюма

«ЕГО ДИВНЫЕ СТИХИ, ЕГО ВЕЛИКИЕ И ГЛУБОКИЕ МЫСЛИ»

Лермонтов родился в 1814 или в 1815 году и происходил от богатого и почтенного семейства; потеряв еще в малолетстве отца и мать, он был воспитан бабушкой, со стороны матери; г-жа Арсеньева, женщина умная и достойная, питала к своему внуку самую безграничную любовь, словом сказать, — любовь бабушки; она ничего не жалела для его образования. В четырнадцать или пятнадцать лет он уже стал писать стихи, которые далеко еще не предвещали будущего блестящего и могучего таланта. Созрев рано, как и все современное ему поколение, он уже мечтало жизни, не зная о ней ничего, и таким образом теория повредила практике. Ему не достались в удел ни прелести, ни радости юности; одно обстоятельство уже с той поры повлияло на его характер и продолжало иметь печальное и значительное влияние на всю его будущность. Он был дурен собой, и эта некрасивость, уступившая впоследствии силе выражения, почти исчезнувшая, когда гениальность преобразила простые черты его лица, была паразитическая в его самые юные годы. Она-то и решила его образ мысли, вкусы и направление молодого человека, с пылким умом и неограниченным честолюбием. Не признавая возможности нравиться, он решил соблазнять или пугать и драпироваться в байронизм, который был тогда в моде. Дон Жуан сделался его гением, мало того, его образцом; он стал бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта детская игра оставила неизгладимые следы в подвижном и впечатлительном воображении; вследствие того, что он представлял из себя Лара и Манфреда, он привык быть таким. В то время я его два раза видела на детских балах, на которых я прыгала в скакалку, как настоящая девочка, которую я и была, между тем как он, одних со мною лет, даже несколько моложе, занимался тем, что старался вскружить голову одной моей кузине, очень кокетливой; с ней, как говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатление, произведенное на меня этим бедным ребенком, загроможденным в старика и опередившим года страстей трудолюбивым подражанием. Кузина поверяла мне свои тайны; она показывала мне стихи, которые Лермонтов писал ей в альбом; я находила их дурными, особенно потому, что они не были правдивыми. В то время я была в полном восторге от Шиллера, Жуковского, Байрона, Пушкина; я сама пробовала заимствовать поэзии и написала оду на Шарлотту Корде, и была настолько разумна, что впоследствии ее сожгла. Наконец, я даже не имела желания познакомиться с Лермонтовым, — так он мне казался мало симпатичным.

его место, родители невесты вдруг получили анонимное письмо, в котором их уговаривали изгнать Лермонтова из своего дома и в котором описывались всякие о нем ужасы. Это письмо написал он сам и затем уже более в этот дом не являлся.

Около того же времени умер Пушкин; Лермонтов вознегодовал, как и все молодое в

предель заключалась преимущественно в описании местностей; он сам, хороший пейзажист, дополнял поэта — живописцем; очень долго билие материалов, бродящих в его мыслях, не позволяло ему привести их в порядок, и только со времени его вынужденно бездействия на Кавказе начинается полное обладание им самим собою, осознание

исчезает, и если он сожалеет о свете, то только в смысле воспоминаний об оставленных там привязанностях.

В начале 1841 года его бабушка, госпожа Арсеньева, выхлопотала ему разрешение приехать в Петербург для свидания с нею и получения последнего благословения; года и слабость понуждали ее спешить возложить руки на главу любимого дитя. Лермонтов приехал в Петербург 7 или 8 февраля, и горькою насмешкою судьбы, его родственница, госпожа Арсеньева, проживавшая в отдаленной губернии, не могла с ним съехаться по причине дурного состояния дорог, происшедшего от преждевременной распутицы.

Именно в это время я познакомилась лично с Лермонтовым, и двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой; одним днем более, чем с вами, любезный Дюма, а потому не ренуйте. Принадлежка к одному и тому же кругу, мы постоянно встречались и утром, и вечером; что нас окончательно сблизило, это мой рассказ об известных мне его юношеских проказах; мы вместе довольны над ними посмеялись и таким образом вдруг сошлись, как будто были знакомы с самого того времени. Три месяца, проведенные тогда Лермонтовым в столице, были, как я полагаю, самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять в этой дружественной обстановке, он придумывал какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили целые часы в веселом смехе, благодаря его неисчерпаемой веселости.

Однажды он объявил, что прочтет нам новый роман, под заглавием: «Штос», причем он рассчитал, что ему понадобится по крайней мере четыре часа для его прочтения. Он потребовал, чтобы собрались вечером рано и чтобы двери были заперты для посторонних. Все его желания были исполнены, и избранныки сошлись числом около тридцати; наконец Лермонтов входит с огромной тетрадкой под мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затем начинается чтение; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутник заманил нас первой главой какой-то ужасной истории, начатой им только накануне; написано было около двадцати страниц, а остальное в тетради была белая бумага. Роман на этом остановился и никогда не был окончен.

Отпуск его приходил к концу, а бабушка не ехала. Стали просить об отсрочках, в которых сначала было отказано, а потом они были взяты штурмом, благодаря высокой

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

Графине Ростопчиной

Я верю: под одной звездой
Мы с вами были рождены;
Мы шли дорожкою одною,
Нас обманули те же сны.
Но что ж! — от цели
блуждающей
Оторвал бурю страстей,
Я позавел в борьбе

Умешь ты сердца
тревожить,
Толпу очей остановить,
Улыбкой гордой
уничтожить,
Улыбкой нежной
оживить;
Умешь ты польстишь
случайно
С холодной важностью
лица
И ужика унижить тайно,
Взяв пылко сторону
глупца!

бесплодной
Преданья юности моей,
Предвидя вечную разлуку,
Боюсь я сердцу волю дать;
Боюсь предательскому
звуку

Мечту напрасную сверять...

Так две волны несется
дружно

Случайной, вольною четой
В пустыне моря голубой:

Их гонит вместе ветер
южный;

Но их разрознит где-нибудь
Утеса каменная грудь...

И, полны холодом
привычным,

Они несут бремя
различным,

Без сожаления и любви,
Свой ропот сладостный

и томный;

Свой бурный шум, свой
блеск замытый

И ласки вечные свои.

1841.

Как в Талисмане стих
небрежный,

Как над пучиною мягкой
Свободный парус челнока,

Ты беззаботна и легка,
Тебя не понял север

хладный;

В наш круг ты брошена
судбой,

Как божество страны
чуждой,

Как в день печали миг
отрадный!

1831.

Есть талисман священный у меня...

Ее первое стихотворение: «Есть талисман священный у меня. Храню его: в нем сердца все имею, в нем пель надежд, в нем узел бытия, грудного залог, дней прошлых упоенье...» — появилось на страницах альманаха «Северные цветы» в 1831 году. Его передал издателю альманаха А. А. Дельвигу Вяземский, не испрошив у автора разрешения. Стихотворение было подписано условными буквами. Но родные все равно узнали руку юной Додо — Евдокии Суховой и устроили ей скандал, решив, что благородной светской барышне неприлично заниматься сочинительством, а печатать свои произведения уже совершенно постыдно! Так началась литературная судьба Евдокии Петровны Суховой, будущей графини Ростопчиной.

Евдокия Петровна Ростопчина — женщина незаурядная. Светская дама, обаятельная красавица, она обладала острым умом, сильным характером, глубокими знаниями и большим поэтическим даром. Это всю жизнь привлекало к ней многих замечательных людей ее времени. Она умела дружить по-мужски, верно и без оглядки, помочь, поддержать в трудную минуту, дать совет... Дружбой с ней дорожили Жуковский и Вяземский, Гоголь и Огарев, Тютчев и Островский. Всю свою жизнь Е. П. Ростопчина писала стихи, писала много, легко, «стастливо».

Одной из первых русских поэтесс приходилось трудно. Сама Ростопчина признавалась: «Поэт в кисейном платье и венке на бале — есть явление смешное для гордых, светских дам, для модных львиц...» Но она никогда не теряла присутствия духа и не изменяла себе. Она «учила женщин говорить», писала стихи до конца жизни... и осталась в русской литературе.

А с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым Ростопчину связывала особая дружба, нежная, проникновенная и доверительная. Она рассказала об этом в своих воспоминаниях. История их знакомства не сов-

сем обычна. Долгие годы Евдокия Петровна Ростопчина состояла в дружеской переписке с Александром Дюма. Приехав в Москву, Дюма побывал в гостях у Ростопчиной. Судьба и творчество Лермонтова очень интересовали французского писателя. И он, зная об их дружеских отношениях, попросил Е. П. Ростопчину написать о нем.

Воспоминания о Лермонтове поэтесса писала, будучи смертельно больной. И это последнее, что вышло из-под ее пера. Посылая их Дюма, она писала:

Вот, любезный Дюма, обещанные заметки: во всякое другое время мне бы доставило удовольствие их для вас составить и сообщить новому другу мои воспоминания о двух их; но в настоящую минуту надо было, чтобы это были вы и чтобы это была я, чтобы я успела закончить это марширование. Вспомните себе, что я еще больше разболелась, так слаба, что почти не покидаю постели, и так поглупела, что едва себя узнаю. Однако не сомневайтесь ни в одной из подробностей, мною вам сообщаемых; они проинтовенованы мне памятью сердца, а она, верьте мне, переживает память рассудка. Рука, которая передает вам это письмо, посылит доназательством, что я о вас помнила.

Прощайте! Меня не забывайте. Евдокия.

Когда Дюма читал эти строки, Ростопчиной уже не было. Эти воспоминания — документ очень своеобразный. В них образ эпохи, и характер этой непожиной женщины, и ее душевное расположение к Лермонтову, тонкое его понимание. И, конечно, сам поэт — противоречивый, сложный, неординарный и живой. Время по-своему расставило акценты в признании великого поэта. Не во всем мы сегодня соглашаемся с автором воспоминаний, но то, что она, как немощная, чувствовала и понимала своеобразно и обаяние личности поэта, несомненно.

В издательстве «Советская Россия» выходит сборник, в который вошли стихотворения, повести, письма Евдокии Ростопчиной, стихотворения, ей посвященные, большинство из них публикуется впервые. Составитель — Борис Романов. Оттуда и взят публикуемый отрывок.

Лермонтова, его грустью, но все же и оптимистичной верой в светлое будущее. Ю. Агапкина. Вальнюс — таких записей полна наша книга отзывов. Все пишут по-разному, но от души, выражая в сущности одну мысль: «Какие

вольной помощи. Они работали рядом — пенсионер, поволжская учительница, школьница из Тулы... Работают с душой, от души, безвозмездно.

Лермонтов погиб в двадцать семь неполных лет. Но он остался жить в памяти людей, в

ожили еще почти пять лет. Это огромная научная работа, которую нам помогли вести люди.

Экспозиция разместились в здании церкви Михаила Архангела, в которой отпевали М. Ю. Лермонтова перед по-

его далекие потомки, всегда помнили, помни и будем помнить.

Т. МЕЛЬНИКОВА,
директор лермонтовского музея-заповедника «Тарханы».

Фото А. Земляничко.

Из письма Евдокии Ростопчиной Александру Дюма

«ЕГО ДИВНЫЕ СТИХИ, ЕГО ВЕЛИКИЕ И ГЛУБОКИЕ МЫСЛИ»

Лермонтов родился в 1814 или в 1815 году и происходил от богатого и почтенного семейства; потеряв еще в малолетстве отца и мать, он был воспитан бабушкой, со стороны матери; г-жа Арсеньева, женщина умная и достойная, питала к своему внуку самую безграничную любовь, словом сказать, — любовь бабушки; она ничего не жалела для его образования. В четырнадцать или пятнадцать лет он уже стал писать стихи, которые далеко еще не предвещали будущего блестящего и могучего таланта. Созрев рано, как и все современное ему поколение, он уже мечтал о жизни, не зная о ней ничего, и таким образом теория повредила практике. Ему не достались в удел ни прелести, ни радости юношества; одно обстоятельство уже с той поры повлияло на его характер и продолжало иметь печальное и значительное влияние на всю его будущность. Он был дурен собой, и эта некрасивость, уступившая впоследствии силе выражения, почти исчезнувшая, когда гениальность преобразила простые черты его лица, была поразительна в его самые юные годы. Она-то и решила его образ мыслей, вкусы и направление молодого человека, с пылким умом и неограниченным честолюбием. Не признавая возможности нравиться, он решил соблазнить или пугать и драпироваться в байронизм, который был тогда в моде. Дон Жуан сделался его гением, мало того, его образом; он стал бить на таинственность, на мрачное и на колкости. Эта детская игра оставила неизгладимые следы в подвизном и впечатлительном воображении; вследствие того, что он представлял из себя Лара и Манфреда, он привык быть таким. В то время я его два раза видела на детских балах, на которых я прыгала и скакала, как настоящая девочка, которую я и была, между тем как он, один со мною лет, даже несколько моложе, занимался тем, что старался вскружить голову одной моей кузине, очень кокетливой; с ней, как говорится, шла у него двойная игра; я до сей поры помню странное впечатление, произведенное на меня этим бедным ребенком, загроможденным в старика в опередившим года страстей трудолюбивым подражанием. Кузина поверяла мне свои тайны; она показывала мне стихи, которые Лермонтов писал ей в альбом; я находила их дурными, особенно потому, что они не были привлекательными. В то время я была в полном восторге от Шиллера, Жуковского, Байрона, Пушкина; я сама пробовала заняться поэзией и написала оду на Шарлотту Корде, и была настолько разумна, что впоследствии ее сожгла. Наконец, я даже не имела желания познакомиться с Лермонтовым, — так он мне казался мало симпатичным.

Он тогда был в благородном пансионе, служившем приготовительным пансионом при Московском университете. Впоследствии он перешел в школу гвардейских подпоручиков; там его жизнь и его вкусы приняли другое направление: насмешливый, едкий, ловкий — проказы, шалости, шутки всякого рода сделались его любимым занятием; вместе с тем, полный ума, самого блестящего, богатый, независимый, он сделался душою общества молодых людей высшего круга; он был первым в беседах, в удовольствиях, в кутежах, словом, во всем том, что составляет жизнь в эти годы.

По выходе из школы он поступил в гвардейский егерский полк, один из самых блестящих полков и отлично составленный; там опять жизнь, ум и жажда удовольствий поставили Лермонтова во главе его товарищей, он импровизировал для них целые поэмы, на предметы самые обыкновенные из их гарнизонной или лагерной жизни. Эти песни, которые я не читала, так как они написаны не для женщин, как говорят, отличались жаром и блестящей пылкостью автора. Он давал всем различные прозвища в насмешку; справедливость требовала, чтобы и он получил свое; к нам дошел из Парижа, откуда к нам приходит все, особый тип, с которым он имел много сходства, — горбатого Майе, и Лермонтову дали это прозвище вследствие его малого роста и большой головы, которые придавали ему некоторым образом фамильное сходство с этим уродцем. Веселая холостая жизнь не препятствовала ему посещать и общество, где он забавлялся тем, что сводил с ума женщин, с целью потом их покинуть и оставлять в тешном ожидании; другая его забава была расстройство партий, находящихся в зачатке, и для того он представлял из себя влюбленного в продолжение нескольких дней; всем этим, как казалось, он старался доказать самому себе, что женщины могут его любить, несмотря на его малый рост и некрасивую наружность. Мне случалось слышать признания нескольких из его жертв и я не могла удержаться от смеха, даже прямо в лицо, при виде слез моих подруг, не могла не смеяться над оригинальностью и комическими развязками, которые он давал своим злодейским должникам подвизам. Помню, один раз он забавы ради решил заместить богатого жениха, и когда все считали уже Лермонтова готовым занять

его место, родители невесты вдруг получили анонимное письмо, в котором им уговаривали изгнать Лермонтова из своего дома и в котором описывались всякие о нем ужасы. Это письмо написал он сам и затем уже более в этот дом не являлся.

Около того же времени умер Пушкин; Лермонтов вознегодовал, как и все молодое в России, против той недоброй партии нашего общества, которая восстанавливала друг против друга двух противников. Лермонтов написал посредственное, но жгучее стихотворение, в котором он обращается прямо к императору, требуя мщения. При всеобщем возбуждении умов этот поступок, столь натуральный в молодом человеке, был перетолкован. Новый поэт, выступивший в защиту умершего поэта, был посажен под арест на гауптвахту, а затем переведен в полк на Кавказ. Эта катастрофа, столь оплакиваемая друзьями Лермонтова, обратилась в значительной степени в его пользу; оторванный от пустоты петербургской жизни, поставленный в присутствие строгих обязанностей и постоянной опасности, перенесенный на театр постоянной войны, в незнакомую страну, прекрасную до величия, вынужденный, наконец, сосредоточиться в самом себе, поэт мгновенно вырос, и талант его мощно развернулся. До того времени все его опыты, хотя и многочисленные, были как будто только ощущениями, но тут он стал работать по вдохновению и из самолюбия, чтоб показать свету что-нибудь свое; о нем знали лишь по ссылке, а произведений его еще не читали. Здесь будет уместно провести параллель между Пушкиным и Лермонтовым, собственно в смысле поэта и писателя.

Пушкин — весь порыв, у него все прямо выливается; мысль исходит или, скорее, извергается из его души, из его мозга, во всеоружии к голове до ног; затем он все передает, исправляет, подчищает, но мысль остается та же, цельная и точно определенная.

Лермонтов ищет, сочиняет, улаживает; рагу, вкус, искусство указывает ему на средство округлить фразу, совершенствовать стих; но первоначальная мысль постоянно не имеет полноты, неопределенна и колеблется; даже и теперь в полном собрании его сочинений попадается тот же стих, та же строфа, та же идея, вставленная совершенно в разных местах.

Пушкин давал себе тотчас отчет в ходе и совоккупности даже и самой маленькой из его отдельных пьес. Лермонтов набрасывал на бумагу стих или два, пришедшие в голову, не зная сам, что он с ними сделает, а потом включал их в то или другое стихотворение, к которому, как ему казалось, они подходили. Главная его

прелесть заключалась преимущественно в описании местностей; он сам, хороший пейзажист, дополнял поэта — живописцем; очень долго обилие материалов, бродящих в его мыслях, не позволяло ему привести их в порядок, и только со времени его вынужденно бездействия на Кавказе начинается полное обладание им самим собою, осознание своих сил и, так сказать, правильное использование своих различных способностей; по мере того как он оказывал, пересмотрел и исправил, тетрадку своих стихотворений, он отсылал ее к своим друзьям в Петербург; эти отправки — причина того, что мы должны оплакивать утрату нескольких из лучших его произведений. Курьеры, отправляемые из Тифлиса, бываю часто атакуемы чеченцами или кабардинцами, подвергаются опасности попасть в горные потоки или пропасть, через которые они переправляются на досках или же переходят вброд, где иногда, чтобы спасти самих себя, они бросают драгоценные им пакеты, и таким образом пропадают две-три тетради Лермонтова; это случилось с последней тетрадкой, отправленной Лермонтовым к своему издателю, так что от нее у нас остались только первоначальные наброски стихотворений вполне законченных, которые в ней заключались.

На Кавказе юношеская веселость уступила место у Лермонтова припадкам черной меланхолии, которая глубоко проникла в его мысли и наложила особый отпечаток на его поэтические произведения. В 1838 году ему разрешено было вернуться в Петербург, а так как талант, а равно и ссылка уже воздвигли ему пьедестал, то свет поспешил его хорошо принять.

Несколько успехов у женщин, несколько салонных волокитев вызвали против него вражду мужчин; спор о смерти Пушкина был причиной столкновения между ним и г. де Барантом, сыном французского посланника; последствием спора была дуэль, и в очень короткое время — вторая между русским и французом; некоторые женщины выболтали, и о поединке узнали до его совершения; чтобы покончить эту международную вражду, Лермонтов был вторично сослан на Кавказ.

От времен второго пребывания в этой стране войны и величественной природы исходят лучшие и самые зрелые произведения нашего поэта. Поразительным скачком он вдруг самого себя превосходит, и его дивные стихи, его великие и глубокие мысли 1840 года как будто не принадлежат молодому человеку, пробавившему свои силы в предшествовавшем году; тут уже находились большие правды и добросовестности в отношении к самому себе; он с собою более ознакомился и себя лучше понимает; маленькое тщеславие

исчезает, и если он сожалеет о свете, то только в смысле воспоминаний об оставленных там привязанностях.

В начале 1841 года его бабушка, госпожа Арсеньева, выхлопотала ему разрешение приехать в Петербург для свидания с нею и получения последнего благословения; года и слабость понуждали ее спешить возложить руки на главу любимого дитя. Лермонтов прибыл в Петербург 7 или 8 февраля, и горькою насмешкою судьбы, его родственница, госпожа Арсеньева, проживавшая в отдаленной губернии, не могла с ним съехаться по причине дурного состояния дорог, происшедшего от преждевременной распутицы.

Именно в это время я познакомилась лично с Лермонтовым, и двух дней было довольно, чтобы связать нас дружбой; одним днем более, чем с вами, любезный Дюма, а потому не ревнуйте. Принадлежка к одному и тому же кругу, мы постоянно встречались и утром, и вечером; что нас окончательно сблизило, это мой рассказ об известных мне его юношеских проказах; мы вместе вдоволь над ними посмеялись, и таким образом вдруг сошлись, как будто были знакомы с самого того времени. Три месяца, проведенные тогда Лермонтовым в столице, были, как я полагаю, самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично приятный в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять в этой дружественной обстановке, он придумывал какую-нибудь шутку или шалость, и мы проводили целые часы в веселом смехе, благодаря его неисчерпаемой веселости.

Однажды он объявил, что прочитает нам новый роман, под заглавием: «Штос», причем он рассчитал, что ему понадобится по крайней мере четыре часа для его прочтения. Он потребовал, чтобы собрались вечером рано и чтобы двери были заперты для посторонних. Все его желания были исполнены, и избранники сошлись числом около тридцати; наконец Лермонтов входит с огромной тетрадкой под мышкой, принесли лампу, двери заперли, и затем начинается чтение; спустя четверть часа оно было окончено. Неисправимый шутник заманил нас первой главой какой-то ужасной истории, начатой им только накануне; написано было около двадцати страниц, а остальное в тетради была белая бумага. Роман на этом остановился и никогда не был окончен.

Отпуск его приходил к концу, а бабушка не ехала. Стали просить об отсрочках, в которых сначала было отказано, а потом они были взяты: штурмом, благодаря высокой протекции. Лермонтову очень не хотелось ехать, у него было всякого рода дурные предчувствия. Наконец, около конца апреля или начала мая, мы собрались на прощальный ужин, чтобы пожелать ему доброго пути. Я одна из последних пожала ему руку. Мы ужинали втроем, за маленьким столом, он и еще другой друг, который тоже погиб насильственной смертью в последнюю войну. Во время всего ужина и на прощанье Лермонтов только и говорил об ожидавшей его скорой смерти. Я заставляла его молчать и стала смеяться над его, казавшимися пустыми, предчувствиями, но они повелевали на меня взглянуть и сжимали сердце. Через два месяца они осуществились, и pistolетный выстрел во второй раз похитил у России драгоценную жизнь, составляющую национальную гордость. Но что было всего ужаснее, в этот раз удар последовал от дружеской руки.

Прибыв на Кавказ, в ожидании экспедиции, Лермонтов поехал на воды в Пятигорск. Там он встретился с одним из своих приятелей, который с давних пор бывал жертвой его шуток и мистификаций. Он принял за старое, и в течение нескольких недель Мартынов был мнением всех безумных выдумок поэта. Однажды, увидев на Мартынове журнал, а может быть, и два, по черкесской моде, что вовсе не шло к кавалергардскому мундиру, Лермонтов, в присутствии дам, подошел к нему и, смеясь, закричал:

— Ах! Как ты хорош, Мартынов! Ты похож на двух горцев!

Эта шутка переполнила чашу; последовал вызов, и на следующее утро два приятеля дрались на дуэли. Напрасно секунданты пытались примирить противников: от судьбы было не уйти. Лермонтов не хотел верить, что он будет драться с Мартыновым.

— Возможно ли, — сказал он секундантам, когда они передавали ему заряженный pistolет, — чтобы я в него делал?

Целый ли он? Или не целал? Но известно только то, что раздалось два выстрела и что пуля противника смертельно поразила Лермонтова.

Таким образом окончил жизнь в 28 лет, и то же смертью, поэт, который один мог облегчить утрату, понесенную нами со смертью Пушкина.

Странная вещь! Дантес и Мартынов оба служили в кавалергардском полку.